VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

Закономерность и случайность в процессе становления древнейших цивилизаций Эгейского мира.

Ю.В. Андреев.

Античное общество: проблемы истории и культуры. Доклады научной конференции 9 - 11 марта 1995 г.

Эпоха ранней бронзы или III тысячелетие до н. э. занимает особое место в исторических судьбах Эгейского мира как своеобразный пролог к истории древнейших цивилизаций этого региона: критской (минойской) и микенской и как время вызревания их основных предпосылок и структурных элементов, демографических, технологических, социально-экономических, идеологических и т. п. Судя по всему, этот процесс шел крайне медленно, неравномерно и прерывисто. За это время на территории Эгеиды, на ее островах, полуостровах и побережьях образовалось целое "созвездие" из нескольких связанных между собой, но в целом развивавшихся вполне самостоятельно археологических культур. Важнейшими из них принято считать, если идти в направлении с востока на запад, западноанатолийскую культуру Трои-Гиссарлыка, далее стоящую несколько особняком, хотя и связанную с троянской культуру островов северовосточной части Эгейского бассейна: Лемноса, Лесбоса и Хиоса, Кикладскую культуру, распространенную в островной зоне центральной части того же бассейна, раннеэлладскую культуру материковой Греции и, наконец, раннеминойскую культуру Крита.

В развитии всех этих культур удается проследить некоторые общие тенденции, выразившиеся в более или менее синхронном появлении в различных районах Эгейского мира одних и тех же культурных инноваций таких, например, как индустрия бронзы, гончарный круг, поликультурное земледелие в форме так называемой "средизмноморской триады", поселения квазигородского и протогородского типа, сначала весельные, а затем и парусные морские суда, монументальная архитектура и т. п. Совпадения такого рода обычно служат основанием для того, чтобы расценивать эти культуры как звенья в эволюционной цепи единого культурогенетического процесса, замкнутого в своей конечной фазе не дворцовые цивилизации II тыс. до н. э. Именно такую модель генезиса эгейских цивилизаций предложил около двадцати лет тому назад известный английский археолог К. Ренфрью в своей сразу же завоевавшей широкую популярность книге "Возникновение цивилизации".

И все же основные исторические итоги этой эпохи, на первый взгляд, столь

Закономерность и случайность в процессе становления древнейших цивилизаций Эгейского мира.

Ю.В. Андреев.

Античное общество: проблемы истории и культуры. Доклады научной конференции 9 - 11 марта 1995 г.

Эпоха ранней бронзы или III тысячелетие до н. э. занимает особое место в исторических судьбах Эгейского мира как своеобразный пролог к истории древнейших цивилизаций этого региона: критской (минойской) и микенской и как время вызревания их основных предпосылок и структурных элементов, демографических, технологических, социально-экономических, идеологических и т. п. Судя по всему, этот процесс шел крайне медленно, неравномерно и прерывисто. За это время на территории Эгеиды,

на ее островах, полуостровах и побережьях образовалось целое "созвездие" из нескольких связанных между собой, но в целом развивавшихся вполне самостоятельно археологических культур. Важнейшими из них принято считать, если идти в направлении с востока на запад, западноанатолийскую культуру Трои-Гиссарлыка, далее стоящую несколько особняком, хотя и связанную с троянской культуру островов северовосточной части Эгейского бассейна: Лемноса, Лесбоса и Хиоса, Кикладскую культуру, распространенную в

островной зоне центральной части того же бассейна, раннеэлладскую культуру материковой Греции и, наконец, раннеминойскую культуру Крита.

В развитии всех этих культур удается проследить некоторые общие тенденции, выразившиеся в более или менее синхронном появлении в различных районах Эгейского мира одних и тех же культурных инноваций таких, например, как индустрия бронзы, гончарный круг, поликультурное земледелие в форме так называемой "средизмноморской

триады", поселения квазигородского и протогородского типа, сначала весельные, а затем и парусные морские суда, монументальная архитектура и т. п. Совпадения такого рода обычно служат основанием для того, чтобы расценивать эти культуры как звенья в эволюционной цепи единого культурогенетического процесса, замкнутого в своей конечной фазе не дворцовые цивилизации II тыс. до н. э. Именно такую модель генезиса эгейских цивилизаций предложил около двадцати лет тому назад

известный английский археолог К. Ренфрью в своей сразу же завоевавшей широкую популярность книге "Возникновение цивилизации".

И все же основные исторические итоги этой эпохи, на первый взгляд, столь богатой предзнаменованиями великого будущего могут показаться и достаточно неожиданными, и даже в какой-то мере разочаровывающими. Как известно, ни в Троаде, ни в Пелопоннесе, которые могут считаться для этого времени

наиболее передовыми районами Эгейского мира, настоящие цивилизации ни в конце III-го, ни в начале следующего II тыс. до н. э. так и не сложились. В материковой Греции первая цивилизация, заслуживающая этого наименования (микенская), начала выкристализовываться лишь в XVI-XV вв. до н. э. Культура Трои-Гиссарлыка, даже достигнув своего зенита в период так называемой Трои VI (между 1900-1300 гг.), так и не смогла, по-видимому, преодолеть этот важнейший исторический рубеж. Практически из всех эгейских

культур, вышедших на "старт" в начале эпохи ранней бронзы, достигла "финиша" и вплотную подошла к "порогу" цивилизации одна лишь культура минойского Крита, на первых порах (в начале и середине III тыс.) как будто не подававшая особенно больших надежд и во многих отношениях сильно уступавшая таким действительно блестящим культурам, как культуры островов Кикладского архипелага, Троады, материковой Греции. Другие участники этого своеобразного "марафона" либо сошли с "дистанции", так и не достигнув той

общей цели, к которой все они, согласно бытующим в науке представлениям, должны были стремиться, растеряв в пути почти все свои достижения и полностью утратив свой индивидуальный исторический облик, либо застыли в каком-то странном промежуточном положении, близком к состоянию гомеостасиса, очевидно, так и не набрав того запаса "кинетической энергии", который был необходим для решающего скачка и преодоления барьера, отделяющего варварство от цивилизации. Уникальный феномен

минойской цивилизации, по всей видимости, находит свое объяснение в столь же уникальном стечение благоприятных исторических, географических и этнопсихологических обстоятельств, благодаря которому Крит смог наконец отделиться от конгломерата эгейских культур и занять свое особое положение на грани двух миров: варварского мира Евразии и мира древневосточних цивилизаций. Среди факторов, сделавших возможным этот переход минойской культуры на

новую, более высокую ступень развития, мы поставили бы на первое место исключительное по эгейским масштабам плодородие почвенного слоя равнинной части Крита, обусловившее чрезвычайно быстрый рост населения на острове в течение III тыс., далее, ранние и достаточно интенсивные контакты его обитателей со странами Восточного Средиземноморья и, наконец, особую пластичность минойского менталитета, во многом сближающий его с менталитетом греков античной эпохи, его ярко выраженную способность к

адаптации в меняющейся внешней среде, равно как и к критическому, избирательному усвоению чужого опыта. По отношению к общей доминанте исторического прогресса, в то время действовавшей в пределах Эгейского мира, ситуация, сложившаяся на Крите, была не более, чем "счастливой случайностью". В принципе (при изъятии одного или двух из образующих ее компонентов) она могла бы и вообще не состояться, и тогда дальнейшие пути исторического развития всего

этого региона были бы, вероятно, совсем иными.

Наблюдения над жизненными циклами основных эгейских культур эпохи ранней бронзы убеждают нас в том, что теории эволюционистского толка, изображающие процесс становления цивилизации в этой части древней ойкумены как неуклонное поступательное движение всех населявших ее племен и народов к одной общей цели, которой в то время могло быть только дворцовое государство, едва ли способны

дать вполне адекватную действительности картину происходивших здесь исторических перемен. Главные движущие силы ("субсистемы") процесса культурогенеза, которым Ренфрью уделил так много внимания в своей книге, могли действовать в определенных границах, прокладывая себе дорогу среди множества не предусмотренных его концепцией случайностей, от которых в конечном счете и зависели конкретные исторические судьбы отдельных этнокультурных сообществ. Сдвиги подлинно

прогрессивного характера, ведущие к постепенному, но более или менее устойчивому накоплению культурных инноваций, прослеживаются в эту эпоху в основном на уровне технологических и хозяйственных инфраструктур, хотя и здесь они отличались крайней неравномерностью. Лишь в этих сферах жизнедеятельности эгескйих обществ удается наблюдать возникновение непрерывных культурных традиций, связывающих эпоху палеометалла с эпохой расцвета дворцовых цивилизаций. На более

высоком уровне структурирования социально-экономических систем становится совершенно очевидным дискретный характер всего процесса, постоянное чередование фаз прогресса с фазами регресса. Судьба основных эгейских культур III тыс. до н. э., за исключением раннеминойской, дает ряд наглядных примеров такого чередования. Наконец, в наиболее показательной, на наш взгляд, сфере художественного творчества однонаправленное развитие прогрессивного характера удается проследить

лишь на сравнительно коротких хронологических отрезках, обычно не превышающих двух-трех столетий. Здесь особенно ярко проявили себя такие характерные и, несомненно, тесно связанные между собой черты раннеэгейских культур, как крайняя автаркичность, с одной стороны, и крайняя инертность, с другой. Наиболее самобытные и интересные художественные явления этой эпохи такие, как, например, кикладская мраморная скульптура, троянское ювелирное искусство, раннеэлладская керамика и глиптика, производят

впечатление ярких, но изолированных, эпизодических вспышек на карте Эгейского мира. Как правило, у них не находилось ни подражателей ни продолжателей в смежных культурных ареалах и на более поздних этапах культурного развития. Новые эстетические идеи и открытия мелькали стремительно, как метеоры, и вскоре исчезали за горизонтом. Лишь очень немногие из них успели оформиться в достаточно жизнеспособные и длительные художественные традиции.

Гибель большинства эгейских культур после обычно непродолжительного периода расцвета и при отсутствии ясно выраженной фазы вырождения и упадка воспринимается как внезапный трагический финал, вызванный действием каких-то чисто внешних, случайных причин. О их характере можно сейчас лишь гадать. В одних случаях это могли быть передвижения племен, межэтнические конфликты или пиратские набеги, в других стихийные бедствия. Как бы то ни было, сама эта уязвимость раннеэгейских обществ, их

чрезмерная зависимость от всякого рода исторических и экологических случайностей, пожалуй, могут свидетельствовать о их недостаточной жизнеспособности, так же как и о крайне ограниченных возможностях дальнейшего развития. Создается впечатление, что, сделав несколько первых шагов по пути, ведущему к цивилизации, освоив индустрию бронзы, начатки градостроения, мореплавания и поликультурного земледелия и поднявшись (правда лишь в отдельных случаях) до уровня примитивной

государственности, эти общества в значительной мере растратили отпущенный им природой запас жизненных сил и после этого продолжали свое существование просто по инерции, впав в состояние своего рода анабиоза, в котором их легко могла погубить любая случайность, любое неблагоприятное стечение обстоятельств.

И опять-таки только "счастливый случай", как было уже сказано, мог вывести некоторые из них за предхлы этого порочного круга - на новый более высокий уровень

исторического развития. История Эгейского мира в III тыс. до н. э. дает нам только один пример такой редкой "удачливости", которым может служить судьба раннеминойской культуры Крита. Впрочем, весь дальнейший ход событий достаточно ясно показывает, что и на новом витке своего жизненного цикла эта культура, все-таки ставшая цивилизацией, так и не смогла надежно застраховаться от прихотей всесильного случая, и в свою очередь должна была покинуть историческую сцену при

загадочных, так до конца и не выясненных обстоятельствах.

| Главная страница |

© 1995 г. Ю.В.Андреев
© 1995 г. Центр антиковедения